

# Копипаста: THE SAW — Lurkmore



## Осторожно! Шок-контент!

Ниже расположено зашкаливающее количество крови, расчленёнки, рвотных и каловых масс или другой подобной хуйты. Настоятельно рекомендуется отогнать от экрана беременных женщин и детей, а также особо впечатлительных животных. За последствия, вызванные чтением и просмотром, ответственности не несём!

Как то раз мы с пацанами втроем возвращались домой после школы, а надо сказать, что дело было в седьмом классе, мы тогда были теми еще уебанами, самый ебанутый такой возраст, и озабоченные были пиздец, только одно на уме было. Вот идем мы через парк и видим: в кустах неподалеку от тропинки лежит тело, в синей юбке, в сапогах до колена и рваных черных чулках. Был конец сентября, но на улице было тепло, хотя и темнеть уже начинало. Мы поначалу испугались, Колька сказал, что надо бы милицию вызвать, но я сказал, что мы обойдемся без ментов, надо нам самим посмотреть. Расхрабрившись, я подошел и перевернул тело. Это оказалась молодая баба-блондинка, лет тридцати, она не дышала и была холодная. Это и вправду был труп. Лицо женщины было кое где расцарапано, но в общем сохранило миловидные черты, которыми обладала при жизни его хозяйка. Держа в руках тело пусть и мертвой, но все же женщины, я ощутил у себя в ширинке некоторое шевеление. Друзья стояли позади, не решаясь подойти. Поняв, что мне выдался уникальный и быть может единственный случай посмотреть и поддержать в руках женскую грудь (во времена моего сосничества порнухи не было и сиськи я мог видеть только во сне), я запустил руку за пазуху умершей и стал жадно мацать ее вымя. При этом я чуть не кончил в штаны. Дойки у нее оказались годные, большие и перекатывались в моей руке как тесто. "Эй, пацаны,- срывающимся шепотом позвал я друзей, меня всего просто адски колотило одновременно от возбуждения и страха,- идите-ка сюда, гляньте!" Я сдернул с ее плеч то ли пальто, то ли пиджак, не помню уже, во что она была одета и заголил ее сиськи, оторвав при этом верхнюю пуговицу на ее одежде. Где то с минуту мы затаив дыхание смотрели на ее полные сиськи с большими коричневыми сосками, потом, в одно и то же время, не сговариваясь, мы все трое достали писюны и принялись яростно дрочить, сидя на корточках вокруг трупа и шлепая залупами по коричневым кружочкам. Лясканье разносилось в вечерней тишине по всей округе. Но мы зря боялись, парк был безлюден, только вдалеке по проспекту проезжали машины, их фары было видно сквозь деревья. Еще немного пошлепав хуями по сиськам и помесив их руками, мы перетащили портфели с тропинки подальше в кусты и решили заняться делом всерьез. Задрав юбку, мы не увидели в сумерках пизды, только темное пятно на ее месте, но как то инстинктивно поняли, что вход в обитель греха должен находиться именно там. Я сел у нее между ног, и разорвав остатки колготок нащупал щель и засунув туда три пальца, стал ковыряться у умершей в пизде. Друзья в это время мацали ее за сиськи и дрочили свои перцы. "Да ты засунь ей, попробуй,- сказал Колька,- знаешь как ебать надо?" "Знаю,- сказал я, хотя представления о том, как надо ебать, у меня были самые смутные,- мне дядька рассказывал,- спиздел я, чтобы не показаться перед друзьями слюнтяем. Я лег на труп, вставив свой хуец в ее пизду и стал тереться залупой о стенки ее влагища туда сюда. Как ни странно, но внутри у умершей было тепло, я бы даже сказал, жарко. Через пару минут я кончил. Таким вот быстрым и экстремальным был мой первый секс. Потом мои друзья по очереди ложились на труп и трахали его, кончали внутрь и слазили, я же сидел в траве и в моем мозгу за это время успел пронестись целый вихрь мыслей, от бесконечного удовольствия до животного ужаса. Когда наконец мы все втроем кончили, почти совсем стемнело. Мы уже собрались уходить, как Леха вдруг предложил: "А давайте ее это...расчленим.. охота поглядеть, что у мертвых внутри..." Идея, надо признаться, была жуткая, но тогда какой то извращенный интерес взял верх над нашим здравым смыслом, тем более, в силу нашего ебанутого возраста, нас очень сильно цепляла сама тематика смерти, расчлененки, останков, мы усматривали тогда в этом некую романтику. "Ща я домой сгоняю, ножовку только возьму у бати,- сказал Леха, он жил неподалеку, через дорогу. Наш друг скрылся во тьме, а мы остались караулить труп, дрожа в предвкушении стать не только некрофилами, но еще и патологоанатомами. И это все за один вечер. Было и страшно, и интересно, и неприятно одновременно. Колька достал из ранца маленький карманный фонарик на батарейках, он всегда его с собой таскал, и стал подсвечивать. В один такой момент я бросил нечаянный взгляд на труп и мне показалось, что тетка чуть пошевелилась, и у нее изменилось выражение лица. У меня волосы так и встали дыбом по всему телу. Колька этого не заметил, и я решил ему не говорить, но мне вдруг стало до ужаса страшно и я мечтал поскорее съебаться отсюда. Задул холодный ветер. Еще и Леха куда то провалился. Наконец, со стороны дороги раздалось шуршание кустов, и Колька тут же погасил фонарь. "Да это я, Леха,- раздался знакомый голос,- не бойтесь, чо вы!" Сквозь кусты продрался наш товарищ, весь вываленный в листе, как черт, и с ножовкой в руке. "Во чо,- сказал он, помахав ею у нас перед носом,- в сарае спиздил, батя вроде не заметил!.. давайте пилить, пацаны!" В результате вышло, что Леха мясо пилить не умеет, а Колька прямо сказал "я боюсь", и остался я. Мне бы бросить эту ножовку и пойти домой, но я же не мог показать свою слабость перед друзьями. Обозвав Кольку "нюней" и "девчонкой", я взялся за ножовку и спросил: "Как пилить то?" Друзья только пожали плечами. Если то, как ебать, мать-природа нам хоть как то подсказала, то как надо пилить, из нас абсолютно никто не знал. Сев возле трупа, я дрожащими руками приставил к бедру чуть выше колена зубья ножовки и стал неумело шоркать. Но занятие это мне не доставляло совершенно, я весь трясся от ужаса и мне хотелось только одного: поскорей съебаться из этого темного холодного парка от этого трупа домой. Друзья мои, судя по их круглым, как тарелки глазам, испытывали примерно те же чувства, что и я.

Они сидели рядом с трупом и держали его за ноги. Странно, но мясо с подкожным салом поддавалось зубьям ножовки довольно легко. Оно с треском рвалось, кровь из под пилы лилась ручьями, и вскоре вся трава под телом и под нами пропиталась кровью. Когда пила с глухим визгом стала тереться обо что то твердое и ощутимо замедлила свой ход, я понял, что добрался до кости. Я стал шоркать что было сил, вскоре кость под напором ржавых железных зубьев треснула, и я стал рвать оставшееся мясо, стремясь поскорее закончить с этим делом. И вот, когда я дорезал оставшийся сантиметр сала и клочки кожи, еще вот-вот- и все- в этот момент труп вдруг сел и с криком пьяной вокзальной шалавы: "Аааааааааа бляяяаааааааа, что ж вы бля делаете?!!!" обхватил меня обеими руками. В этот момент я понял, что я обосрался. Вернее, просто обосрался, а понял я это уже потом, когда сломя голову бежал через парк по тропинке по направлению к дороге, а полужидкое говно телепалось у меня в мотне, стекая вниз. Надо было видеть, как в тот момент, когда умершая воскресла, мои друзья отпрыгнули метра на три. А потом, схватив портфели, бросились не разбирая дороги наутек, по кочкам и ухабам. Я пребывая в состоянии аффекта что было сил заебенил отпиленным обрубком ноги этой бабе по лбу. При этом я выронил ножовку и бросился бежать. Пробежав метров сорок, я вдруг пришел в себя и меня посетила здравая мысль, что негоже оставлять там ножовку и свой рюкзак. Вернувшись, я подобрал все это и теперь уже бросился наутек, хлюпая задристанной задницей. Женщина корчилась на боку и рычала, как раненый зверь что то вроде "бля.. помогите, блядь..." Я испачкался в крови, кровь была у меня на руках, она была густая и липкая, но что самое неприятное- я измазал в крови низ куртки, просто кровяца хлестанула фонтаном, когда женщина встала и я оторвал ей ногу. Добежав до дому, я засунул окровавленную ножовку между камней в гаражах, куртку пришлось снять и выбросить в колодец с говном. Я делал все как в лихорадке, мало соображая на тот момент, что я делаю и зачем, а в ушах все стоял дикий крик той бабы, полный адской боли и страдания. Тогда до меня дошло, что та женщина, которую мы приняли за мертвую, на самом деле просто упилась в хлам и валялась в кустах, а мы с друзьями ее выебали и расчленили. Она была до того пьяна, что не чувствовала, как мы ее насиловали, но видимо, боль при отпиливании ноги заживо была столь сильной, что алкоголь вышел из ее головы. Прибежав домой, я получил еще пиздюлей от мамки за то, что шляюсь хер знает где допоздна, а она же дома сидит, волнуется, вдруг меня убили где. Она явно заметила, что я нахожусь в крайне неадекватном состоянии, но на все расспросы я отмалчивался. Про куртку соврал, что в школе спиздили, не знаю кто. Хорошо хоть удалось отмыться от кровяцы в ванной, пока мать не спалила. Спустя три дня, когда я немного успокоился, я украдкой вытащил ножовку из тайника, спрятал ее под одежду и пошел на речку. Там я ее долго и тщательно отмывал от засохшей крови, потом вернул обратно Лехе. Все эти три дня мы ходили в страхе от произошедшего и от ожидания того, что нас найдут, но нас никто и не думал искать. Ну потом как то все улеглось постепенно, из нас так никто никому и не проболтался, слишком страшно было произошедшее, и мы все хранили эту тайну. Баба та, как потом выяснилось, оказалась учительницей младших классов из другой школы, она возвращалась домой с какого то чаепития, утомилась и прилегла в кустах, полежать-отдохнуть. Что с ней было дальше- вы знаете, но мы с пацанами долго обходили то место стороной, не решаясь прийти и посмотреть на него где-то недели две. Когда наконец решились, то увидели на том месте бурое пятно засохшей крови размером в человеческий рост на пожелтевшей траве. Мать мне потом все уши прожужжала: вон, учительницу то из четвертой школы какие то не люди изнасиловали, а потом расчленили ее, слышал? а ты по ночам шляешься, не слушаешь меня! Выжила она или нет, я спросить не решался. Да и вряд ли мать знала, она только собирала все сплетни и перебалтывала их по сорок раз, переиначивая на свой лад, получалось а-ля "Гоголь на фонаре давеча хуй дрович, а еще и классик". Поговаривали даже, что в нашем тихом и спокойном городишке завелся маньяк. И никто и не догадывался, что не один, а целых три таких маньяка каждый день ходили в школу, делали уроки, возвращались по пустынным тропинкам парка домой... Маньяка естественно так и не нашли. Такой вот, в общем, случай из детства.

До сих пор, каждый раз, как я ложусь спать у меня перед глазами встает изумленное, непонимающее и искаженное от адской боли женское лицо и в ушах раз за разом, снова и снова, как запись в заевшем магнитофоне прокручивается животный вопль внезапно ожившего трупа, который обнаружил, что ему во сне заживо отрезали ногу.

"Аааааааааааа блядь, что ж вы бля делаете?!!!!!!"

Но с каждым годом я все хуже и хуже помню нотки и интонации ее голоса, как будто пленка становится все затертее. Время все таки помогает. Хотя и не лечит.

## Читать ещё

- [Просветление](#)